

значения как, например, ‘просить, умолять бога’ и ‘просить, умолять человека’. Вторая отличается тенденцией к обозначению предельно точных явлений действительности, часто имеющих ритуальный характер. Третья отражает реальность устойчивых и предельно конкретных сложных обрядов, что создает предпосылки для формирования особой лексики, синтезирующей значения, присущие двум другим семантическим зонам. По мнению В. В. Иванова, первоначально существовало синтетическое значение *молить* ‘умолять приношением жертвы’, давшее затем развитие значения ‘жертвовать’ (*молить* 2 в данном анализе). А. Ф. Журавлев включает сюда же приводимую здесь как *молить* 3 семантическую зону, содержащую лексику, отражающую ритуал перемаливания роженицы и отелившейся коровы. Сложная система семантических связей данного этимолого-словообразовательного гнезда хорошо демонстрирует неоднозначность выстраивания связей между компонентами семантики праслав. корней, дериваты которых развивают значения говорения ‘произносить ритуальную речь’ и принесения материальной жертвы ‘жертвовать’, что отражает реальность архаических ритуалов жертвоприношения.

Ю. А. Кривошапова

Языковой и культурный портрет реалии: *паук*

Паук занимает особое место в народной энтомологической системе. Научная классификация исключает паука из класса насекомых, определяя его как ‘членистоногое животное, плетущее паутину для ловли насекомых, служащих ему пищей’ [СРЯ, 3, 34], в то время как в словаре В. И. Даля паук характеризуется как ‘повсюду известное насекомое’ [Даль, 3, 57–58]. Народные представления о пауке отличаются неоднородностью, «соединением противоречивых, иногда прямо противоположных мифологических элементов» [Гура, 1997, 504]. С одной стороны, несмотря на то, что паук не причиняет ощутимого вреда, он

в народной традиции оценивается как животное поганое и нечистое, противоположное Божьему началу, ср. *паук* – *ябидник*, *черту правидник* [Добровольский, 75], и поэтому его следует истреблять. С другой стороны, пауки считаются животными божественными, потому что они спасли Божью Матерь, и их категорически запрещается убивать, дабы не навлечь на себя несчастье. Помимо амбивалентного восприятия, образ паука отличается отсутствием традиционного для других насекомых признака множественности и символического соотношения со скотом¹. Из своих сородичей паук сближается с *мухой*, ср. *мухán* ‘водяной паук’ (влад.), *мухарник* ‘насекомое с длинными ногами (паук?)’ (костр., яросл.) [СРНГ, 19, 36], и *слепнем*, ср. *паук* ‘паут’, ‘слепень’ (перм.); *паут* (*пáут*)² ‘паук’ (вгл., вят., том.) и ‘овод, слепень’ (повсеместн.) [Там же, 25, 283].

Исконное праслав. **pa-ǫkъ* (> рус. *паук*) представляет собой соединение приставки **pa-* (разновидность префикса **rǫ-*) с корнем **ǫk-* индоевропейскому корню **ank-*, который обнаруживается, например, в греч. *ὄυχος* ‘крючок’, лат. *uncus* ‘кривой’, ‘крюк’, др.-инд. *anká* ‘изгиб, колено’. Паук назван так по кривизне и цепкости лап [см.: Журавлев 2005, 733].

Как и в случае с другими насекомыми, паук становится символом мизерности (малости), ср. *мизгирь* перен. ‘ребенок’ [СПГ, 1, 516], ‘о человеке небольшого роста или кулак’ [Малеча, 2, 426], ‘о слабом, болезненном человеке’ (твер.), ‘о человеке невысокого роста’ (нижегор., влад., костр.), *мизгирючный* (*михгюрючный*) ‘самый маленький, малосенький’ (свердл.) [СРНГ, 18, 154], ср. *мизгирь* ‘паук’ (об этом назва-

¹ Связь паука с домашним скотом находит отражение только в неязыковой народной традиции: считается, что он провоцирует некоторые болезни у домашних животных, ср. *дүтик* ‘паук-крестовик’ – «По поверью, если корова или овца съедят дутика, то ее “дуть”, т. е. у нее вздувается живот и кожа отстает от тела (делается “шуба”), лечение состоит обыкновенно в прокалывании и прорезании кожи, случаи выздоровления редки» (калуж.) [СРНГ, 8, 274], ср. также полесский заговор на случай, если корова проглотит паука (паук назван именем Давуд): «Павук Давуд нетвой амой Божий дух ты матки немав грудьми каровки негадав штобы ея ненадував когда будеш матку мать грудьми каровку гадовать тогда будеш (звать чалавека и мась скотини)» [Белова, 2004, 503].

² Слово *паут*, обозначающее в говорах и овода, и паука, считается вариантом слова *паўк* (согласный *т* – нефонетического происхождения). Дифференциация значений ‘паук’ и ‘овод’ произошла после возникновения слова *паут* со значением ‘паук’ [Черных, 2, 14].

нии паука см. ниже). Признак маленького размера отражен также в *пауки* (ударение?) ‘узор вышивки геометрического типа’ (р. Десна) [СРНГ, 25, 284–285]. Уделяется внимание и такой особенности одного из видов пауков, как узор в виде креста на спине, ср. *крыжсák* ‘паук-крестовик’ (без указ. места) [Там же, 15, 338] (от *крыж* ‘крест’).

Отмечается в языке и такое свойство паука, как медлительность (передвижения либо плетения паутины) – *пауза* ‘паук’ [НОС, 7, 106], ср. *пáузиться* ‘делать что-л. слишком медленно’ (влг.) [СРНГ, 25, 281]), *тинéтник* ‘медлительный человек’, *хóдить как тенéтник* ‘медленно ходить’, ср. *тенéтник* ‘паук’ (костр.) [ЛК ТЭ], *тенетó* ‘о человеке, который ничего не делает’, ср. *тенетó* ‘паутина’ (костр.) [Там же].

Доминантой языкового портрета паука является мотив плетения как индивидуальная характеристика этого насекомого. Характеристика паука через идею плетения, прядения, вязания и пр., как замечает А. Ф. Журавлев, находит подтверждение в многочисленных обозначениях паука, ср. русские диалектные названия паука *мизгíрь*, нижегор. *тенéтник* (от *тенета* ‘сеть’), вост.-сиб. *сетнiк*, урал. , томск. *ситнiк* (от *сеть*), нем. *Spinne*, англ. *spider* ‘паук’ (ср. нем. *spinnen*, англ. *spin* ‘прясть’), нем. *Spinn(en) gewebe* ‘паутина’ (при *weben* ‘ткать’). Помимо того, между русскими словами *паук* и *ткать* существует устойчивая синтагматическая связь (*паук ткёт паутину*) [см.: Журавлев, 2005, 733].

Приведем примеры обозначений паука и «паучьих» метафорических обозначений, отражающих идею плетения.

Славянское **mzгъrь*, рефлексy которого известны только в русском и украинском языках, ср. наименование паука *мезгíрь* и его фонетические и словообразовательные вариации *мизгíрь* [Подвысоцкий, 91], *мазгáрь*, *музгíрь*, *музгíрь* [КСГРС], *музгáрь*, *музгáрь* [КЭИС], *мизгíрище*, увелич. к *мизгíрь* (олон.) [СРНГ, 18, 154] связано, по этимологии Й. Зубатого, с лит. *mezgù, mègzti* ‘вязать, завязывать’, *māzgas* ‘узел’, латыш. *mezgt* ‘вязать’, *mazgs* ‘узел’, далее с др.-в.-нем. *māska* ‘петля’ (совр. нем. *Masche*), др.-исл. *mǫskvi* и производно от несохранившегося славянского глагола **mezgti* ‘плести’ [ЭССЯ, 18, 227; Журавлев 2005, 733].

В обозначениях паука *котóма*, *котóмка* ‘паук’ [АОС, 2, 182] ощущается метафора: *котóма* ‘дорожная сума, переносимая обычно за печами’ (костр., пск., олон., влг.); ‘узел с вещами’ (урал.); ‘корзина с вещами’ (перм.) [СРНГ, 15, 110] → *котóма* ‘паук’ на базе признака вязания и плетения. Отметим, что в данном случае в большей степени участвует собственно паутина, которая, сопоставляется с плетеной сумкой, корзи-

ной, нежели ее непосредственный создатель, паук, ср. еще *кошэль* 'паук' [Даль, 3, 58] и *кошэль* 'заплечный сплетенный из лыка или бересты кузов' (влад., калин., влг.) [СРНГ, 15, 144], *күзовник* 'паук' (влг.) и *күзов* 'плетеная (из бересты или лыка) заплечная сумка' (новг., влг.) [Там же, 16, 25]. Мотив плетения «просвечивает» и в следующих «паучьих» лексемах, которые, думается, не нуждаются в подробных комментариях: *тенётчик* [КСГРС], *теняк* [СРГО, 2, 215] (ср. *тенета* 'сеть'); *сётник* (иркут., якут.) [СРНГ, 37, 246] (от *сеть*), – ср. еще этно-томологические номинации *павук* 'сачок для лова сельди' (нижнедон.) [Там же, 25, 113], *паук* 'сетяной черпак для выбирания рыбы из сети' (нижнедон.) [Там же, 284], *сётка-паук* 'сетяной черпак для лова рыбы' (р. Урал.) [СРНГ, 37, 243].

Благодаря уникальной способности плести паутину и спускаться по ней сверху вниз, пауку в народной традиции сообщается космологическая символика. Ему присваивается роль демиурга, основателя мира. Многочисленные сюжеты у славян о том, как «паук свет сновал», основываются на идее плетения и тканья как творения и представляют собой «альтернативную» версию мироздания. По словам О. В. Беловой, «развернутых текстов на тему “снования мира” в современной традиции зафиксировать не удалось, однако сюжет удерживается в народной памяти благодаря запретам на различные ткаческие работы в такие дни, как понедельник (или суббота), или запретам убивать паука. Так, в Ровенской обл. запрет убивать паука мотивирован тем, что, «он снуе, як Бог нэбо, снуе паутыццо для мужэй» [Белова, 2004, 498]³. Идея тканья как миротворения подкрепляется мировой или небесной символикой, заключенной в терминологии соломенного рождественского украшения, которое подвешивают к потолку. В одних славянских регионах его называют *пауком* (блр. *павук*, польск. *rajak*), в других – *миром* (польск. *świat*) или *раем* (чеш. *muší raj*) [СД, 3, 647].

С помощью своей паутины паук, по славянским поверьям, как по лестнице, взбирается на небо [СД, 3, 380]. Рефлексом этого мифа на языковом уровне, по мнению Е. Л. Березович, можно считать ср.-

³ Любопытно, что «выступая в легендах и поверьях как существо-демиург, паук оказывается лишен “собственной” этиологии. Отметим редкий сюжет из польской традиции: Бог превратил в паука ткача, который задумал затянуть своей пряжей весь свет» [Белова, 2004, 498].

урал. фразеологизм *паўчья лёсенка* ‘тонкие нити облаков на небе’, ср. *лёсенка* ‘паутина’ [см.: Березович, 2007]. Использование термина родства в наименовании паука, ср. *дедушко* ‘паук’ [АОС, 10, 420], отражает космологическую символику паука и соотносит его с душой предка.

Важным для языкового образа паука становится такая особенность этого животного, как «кровожадность» – известно, что паук заманивает жертву и высасывает кровь у насекомых (чаще всего мух), попавших к нему в паутину. Естественно, что подобная манера поведения «расценивается» номинатором, как крайняя степень жестокости – это верифицируется в номинациях типа: литер. *паўк* разг. ‘о том, кто жестоко эксплуатирует кого-л.’ (*Такой паук, ростовщик, все село высосал по мелочам*) [СРЯ, 3, 34], диал. *павук* бранно ‘о том, кто эксплуатирует других’ (забайкал.), *паўк ползучий* ‘бранное выражение’ (забайкал.) [СРНГ, 25, 113], *паўтчая замашка*, *хвátка* ‘безжалостная, мертвая хватка’ (забайкал.), *паўтчий род*, *паўтчее отродьё* (забайкал.) ‘об эксплуататорах (владельцах приисков, кулаках и т. п.) – при воспоминании о дореволюционном времени’ (*Кто приисками владел? Паутчий род. Уставичики... они ведь тоже из нас кровь сосали*); ‘о грабителях, ворах’ (забайкал.) [СРНГ, 25, 284], ср. укр. *павук* ‘тот, кто эксплуатирует других’ [СУМ, 6, 8], польск. *pająkowy* ‘злодей’ [Warsz., 4, 11].

В польском языке через паука характеризуется образ ростовщика, который «сосет» из людей деньги, ср. *pająk* перен. ‘ростовщик’, к образу еврея-ростовщика отсылает польская приговорка *szczęściem pająk był za drzwiami, więc go prosi, więc go sadza, lecz Żyd już na mały procent dać pieniędzy się nie zgadza* ‘Счастьем был паук за дверями, так его просил, так усаживал, но еврей так и не согласился дать деньги под малый процент» [Warsz., 4, 11]. Ср. в русском языке *жить, как паук* ‘жить достаточно богато’ [БТДК, 356] и контекст – *Такой паук, ростовщик, все село высосал по мелочам*. Кроме того, считается, что паук не уживается даже с собственными сородичами, ср. *паўтчее сёмейство* ‘семья с постоянными ссорами’ (забайкал.) [СРНГ, 25, 284], разг. *сцепились как пауки в банке*.

Говоря о вовлеченности паука в партнерские отношения, следует отметить, что постоянной «соседкой» вполне предсказуемо становится его жертва, муха, ср. *муховór* ‘паук’ – *Муховор пеленает муху* (новг., север.) [СРНГ, 19, 37], *лови, паук, мух, покель ноги не ошипаны!* [Даль, 3, 58], *мошки-крошки, падбирайтесь, пауку ни давайтесь* [Добровольский, 75].